

Цумура Кикуюко

РАБОТА
ЛЕГКОЙ
НЕ БЫВАЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
Ц86

Серия «Япония: классика и современность»

Kikuko Tsumura
THERE'S NO SUCH THING AS AN EASY JOB

Перевод *У. Сапциной*

Серийное оформление *А. Хайрушевой*

Художник *В. Лебедева*

Печатается с разрешения Bloomsbury Publishing Plc
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Цумура, Кикико.

Ц86 Работа легкой не бывает : [роман] / Цумура Кикико ;
[перевод У. Сапциной]. — Москва : Издательство АСТ,
2023. — 320 с. — (Япония: классика и современность).

ISBN 978-5-17-138357-2

Пожалуй, каждый из нас хоть раз в жизни испытывал эмоциональное выгорание на работе, хотел сменить ее или вовсе бросить.

С этой же проблемой столкнулась молодая японка, и для новой работы у нее всего три условия: близко к дому, минимум движения, минимум ответственности.

Агент по найму со всей любезностью и дотошностью выполняет ее требования... Девушка переходит с работы на работу: пишет рекламные тексты, разгадывает таинственные исчезновения, помогает людям. В каждом месте она находит плюсы и минусы, однако со временем становится все более очевидным, что она ищет вовсе не легкую работу, а нечто гораздо большее...

По-японски уютный и добрый роман о поиске своего места в сумасшедшем мире.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Kikuko Tsumura, 2020
© Перевод. У. Сапцина, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Работа с видеонаблюдением	5
Работа с рекламой в автобусах	55
Работа с упаковкой крекеров	120
Работа с расклейкой плакатов	181
Легкая работа в хижине в большом лесу . . .	243
Благодарности	318

РАБОТА С ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЕМ

Экран слева, экран справа, а человек на обоих один и тот же. Видеозапись слева сделана вчера, чуть раньше десяти вечера, справа — позавчера, около восьми вечера. И одежда одна и та же — флисовая толстовка, так что если бы не дата в уголке, понять, что записи относятся к разным дням, было бы невозможно. На обоих мониторах человек, превратившийся в объект наблюдения, неподвижно сидел, скрестив на груди руки, в офисном кресле перед ноутбуком, и когда уже казалось, что больше он не пошевелится, вдруг принимался яростно барабанить по клавиатуре, но уже через тридцать секунд снова замирал, или жестом изнеможения придвигал к себе словарь, или заходил в сеть и следующий час с сосредоточенным и хмурым видом блуждал там, — словом, совершал одни и те же действия. Справа, в позавчерашней записи, два часа назад он ел рис с водорослями хидзики, суп с мисо и шпинатом и яичницу с ветчиной, слева, во вчерашней записи, ничего подобного пока не предпринимал. Текстовый редактор я открыла, но записать для отчета было нечего, и я застыла точно так же неподвижно, как объект моих наблюдений.

Глядя, как ужинает объект, я временами подумывала, не съесть ли и мне чего-нибудь, но с тех пор прошло уже полтора часа, а встать так и не захотелось, и я сидела все в той же позе. Живот ощутимо свело, но только я наконец

приподнялась, решив сбежать в подвальный магазин, как уловила какое-то шевеление на экране справа. Объект, до сих пор сидевший почти так же, как на левом экране, вскочил с кресла и кинулся в прихожую, будто к нему пришли. Я переключила правый экран на запись с камеры, установленной в прихожей. Чуть заискивающе кланяясь женщине в форме — видимо, сотруднице службы доставки, — объект поспешно закрыл дверь и вышел из кадра, неся в руках коробку из гофрокартона. Коробка была не большой и не маленькой. Как раз такого размера, чтобы нести ее в обеих руках, почти кубической. Объект часто заказывал по Интернету книги или диски, но форма этой коробки создавала впечатление, что там ни те и ни другие.

Предположив, что он возвращается к рабочему компьютеру, я переключила изображение, но он все не шел, а при проверке записи с камеры в кухне оказалось, что он уже пристроил коробку на небольшом кухонном столике и рьяно вскрывает ее ножницами.

Я присмотрелась. Само собой, мне и в голову не приходило, что очередную партию товара объекту доставят прямо на дом, но каждый раз, когда он шел в прихожую получать какую-нибудь посылку, я настораживалась. Он открыл коробку, выкинул из нее на пол пузырьковую упаковочную пленку и достал какой-то пакет. Затаив дыхание, я увеличила изображение. «Свежеиспеченное печенье из домашней пекарни такой-то», — значилось на стикере, приклеенном к пакету. Забыв про упаковочную пленку, по-прежнему валяющуюся на полу, объект взял с сушилки для посуды большую тарелку, принялся разбирать печенье и складывать кучками в зависимости от формы. И при этом выглядел очень довольным. В пакете было печенье пяти разных форм, в том числе квадратное, круглое и в виде листочков, и только один вид — коричневого цвета. Наверняка шоколадное. Такое объект складывал отдельной кучкой в стороне от остальных. Потом надкусил одно.

В отличие от блаженствующего объекта на правом экране, объект на левом все так же глазел в монитор ком-

пьютера, скрестив руки на груди. Один раз, когда его голова поникла, он вдруг дернулся — видимо, задремал все в той же позе.

— Хватит уже спать сидя, с толку сбиваешь! — буркнула я.

На этой работе инструкция предписывала не пользоваться быстрой перемоткой вперед — за единственным исключением: пока объект спит. Так что в данной ситуации я вполне имела право пропустить небольшую часть записи. Но когда объект бодрствовал в той же позе, в которой спал, непонятно было, когда можно перемотать запись, когда нет. Вот я и хотела, чтобы он больше так не делал.

Видимо, услышав мое бурчание, госпожа Оидзуми из соседней кабинки заглянула за перегородку с вопросом, все ли у меня хорошо. Я кивнула с невнятным и уклончивым «м-м, угу».

— Ну ладно, я тогда домой. Спасибо за работу, — сказала она, обмотала шею шарфом и вышла.

Вид у нее был слегка замученный. Госпожа Оидзуми — хозяйка дома и мать семейства. На работу она приходит, предварительно отведя дочь-младшеклассницу на дополнительные занятия, и уходит, когда эти занятия заканчиваются.

Напечатав в текстовом редакторе: «20:35. Объект получил от курьера картонную коробку со стороной примерно 25 см. Содержимое — упаковочный материал (пузырьковая пленка) и выпечка», — я вздохнула, выдвинула ящик стола и достала капли для глаз. С тех пор как меня приняли на эту работу, пользоваться каплями для глаз, без которых раньше я вполне могла обойтись, я стала чаще, вдобавок пристрастилась к тем, что подороже, и теперь набирала их впрок по акции с тележек вроде «все по 198 иен». Хорошо еще, нам возмещали такие расходы, как на капли для глаз (но не больше тысячи иен в неделю). А вот питались мы за свой счет. Лишь недавно до меня начало со всей отчетливостью доходить, что из глазных

капель и булочки с яkisобой дороже обходится последняя. Но если к моменту ухода с этой работы у меня от злоупотребления глазами каплями разовьется синдром сухого глаза, то с учетом затрат на его лечение есть шанс, что в перспективе булочка окажется более выгодной.

Знаю, знаю — это ход мыслей человека, свободного времени у которого слишком много. Но прикиньте: с этой работой времени у меня и вправду хоть отбавляй. И это странно, потому что рабочий день здесь длинный, но даже в часы работы я, в сущности, ничем не занята. Я пришла к выводу, что на свете найдутся считанные виды работ, съедающие так же много времени и так же мало ресурсов мозга, как наблюдение за жизнью писателя, который живет один и работает дома.

Я закапала в глаза, но даже это не помогло мне взбодриться, как хотелось бы, так что я остановила видео и, пошатываясь, поднялась на ноги. Поскольку наблюдением я занималась не в реальном времени, а отсматривала сделанные ранее записи, мне разрешалось останавливать их и снова включать воспроизведение по желанию. Единственным условием было просмотреть все видеоматериалы, записанные в те часы, которые объект проводил дома. Другими словами, чем дольше он сидел дома, тем больше у меня было работы. Этот конкретный объект ложился спать в шесть утра и просыпался в два часа пополудни, то есть доля сна в режиме дня у него была великовата, но она уравнивалась тем, что он проводил дома дикое количество времени. А мне приходилось отсматривать видео на исходной скорости, то есть просиживать у себя в кабинке чуть ли не весь день. Когда мы привыкали к этой работе, нам разрешали смотреть материалы за два дня одновременно, но даже в этом случае не стоило недооценивать уйму времени, которое проводит дома самозанятый человек. Я жила прямо напротив офиса, так что до работы добиралась за считанные минуты, но если уйти пораньше все равно нельзя, вопрос близости дома к месту работы отчасти теряет актуаль-

ность. Преимущество заключалось в том, что я редко с кем-нибудь виделась в процессе работы, задумываться, как я выгляжу, не требовалось, и порой я просто набрасывала пальто поверх пижамы и в таком виде отправлялась на работу. А когда выдавалось свободное время, успевала сбежать домой поужинать и снова возвращалась в офис.

Вся эта ситуация сложилась благодаря тому, что однажды я села перед своей кадровичкой и объяснила, что хочу работу как можно ближе к дому, в идеале что-нибудь вроде просиживания целыми днями на стуле и надзора за процессом выделения коллагена для средств по уходу за кожей. Вообще-то я не думала, что она сумеет подыскать что-нибудь подобное, но рассудила, что ничего не потеряю, если спрошу. С предыдущей работы я ушла после того, как у меня развился синдром выгорания, и чтобы восстановиться, переселилась обратно к родителям. Спустя некоторое время моя страховка по нетрудоспособности иссякла, стало ясно, что пора уже заняться поисками нового места. Прошлая работа вытягивала из меня всю энергию до последней капли, потому я и ушла с нее, однако чувствовала, что вечное безделье, пожалуй, тоже не выход. Короче, я никак не могла определиться, хочу я вернуться на работу или нет, потому и обратилась к кадровичке с такой просьбой, которая звучала, будто я воспринимаю происходящее как шутку. Едва у меня вылетели эти слова, я сообразила, что из-за них неприятности мне обеспечены. Однако госпожа Масакадо окинула меня пронизательным взглядом, который казался совершенно неуместным на фоне ее привычной кротости.

— У меня есть как раз то, что вам нужно!

Клянусь, у нее даже очки блеснули, как в мультиках, когда персонажи произносят подобные реплики. И она вручила мне описание вакансии. Было невозможно отрицать: это именно то, что я искала. Однако судьба распорядилась так, что и в этой работе обнаружились свои специфические трудности.

Ямаэ Ямамото, наблюдение за которым поручили мне, зарабатывал на жизнь писательством. Без его ведома кто-то из знакомых оставил у него храниться некий контрабандный товар. Я знала, что этот товар идет нарасхват, но такой мелкой сошкой, как я, не сообщали, о чем именно идет речь. Объяснили лишь, что контрабанда спрятана в футляре какого-то DVD, но коллекция фильмов Ямаэ Ямамото была до смешного обширна, так что нужный футляр не сумели обнаружить при несанкционированном обыске, который устроили за время отсутствия объекта. Пришлось установить повсюду камеры, и вот теперь мы наблюдали за объектом в ожидании, когда его знакомый придет за товаром, или же когда, на наше счастье, Ямаэ Ямамото решит перебраться свою коллекцию и наткнется на контрабанду сам. С учетом размеров этой коллекции существовала вероятность, что Ямаэ Ямамото давным-давно забыл, какие из дисков взял у кого-нибудь посмотреть. И вместе с тем, поскольку человек, спрятавший у него контрабанду, до сих пор умудрялся избегать ареста — благодаря покровительству не подозревающего об этом Ямаэ Ямамото, — можно было также допустить, что хозяин контрабанды, какого бы пола он ни был, решится доверить ему очередную партию. Вот что я услышала от своего начальника, господина Сомэя. Потому и переходила в режим полной боеготовности при виде каждой доставки.

Поначалу мне представлялось, что наблюдение за явно безобидным Ямаэ Ямамото окажется сравнительно непыльной работенкой по меркам этой сферы. В действительности же Ямаэ Ямамото не только целыми днями торчал дома, но и постоянно получал какие-нибудь заказы, а его манера смотреть DVD была в высшей степени хаотичной. Когда уже казалось, что он с довольным видом устроился смотреть вторую «Историю игрушек», он вдруг, передумав, включал запись матча за третье место на чемпионате мира по футболу в Германии 2006 года. По этой причине на выручку мне иногда приходил

господин Сомэя. Он был худощавым, лет за пятьдесят, с мягкой манерой речи. И всегда, в любое время суток находился на работе, я порой замечала, как он неподвижно сидит на кухне с чашкой чая кобутя с умэ в руке, что наводило меня на мысль: пожалуй, не следует слишком часто звать его на помощь. Но беспокоило меня не только состояние его здоровья. Я слышала, что за тридцать лет работы здесь он насмотрелся на рыбу настолько крупную, что по сравнению с ней Ямаэ Ямамото казался коготком крыла, так что боязнь отвлечь господина Сомэя от других, более важных дел стала еще одной серьезной причиной не слишком часто рассчитывать на него. К тому же до меня дошли вроде бы правдоподобные слухи о том, что если я застукаю этого самого Ямаэ Ямамото в момент обнаружения контрабанды или замечу его знакомого, явившегося забрать ее, мне причитается громадный бонус. Без лишних слов ясно, что деньги теперь имели для меня первостепенное значение. Я понятия не имела, когда со мной случится очередное выгорание.

По длинному, чистому, больничного вида коридору с тревожно-яркими флуоресцентными лампами я прошагала до лестницы в дальнем конце и спустилась в подвальный магазин. Строго говоря, подвала в этом здании не было, просто магазин размещался ниже уровня земли, будто в каком-то провале. Как и следовало ожидать от учреждения, существующего с единственной целью круглосуточного просмотра отснятых видеоматериалов, свет в нем горел ночи напролет. И лампы были не обычными флуоресцентными, как в магазинах, а осветительными приборами, какими пользуются в странах, где есть «белые ночи». Проведите в таких условиях некоторое время, и вскоре начнете замечать, как ваше восприятие дня и ночи постепенно размывается.

Но в подвальном магазине размером со среднюю спальню свет был тревожно-тусклым даже в разгар дня. Как будто в здании соседствовали две разные зоны: мага-

зин и все остальное. Вообще-то, будь у меня выбор, я предпочла бы работать в магазине, рассуждала я мысленно, кладя на прилавок свою булочку с якисобой и пластиковую бутылку мате. И то и другое — лишние траты. Да, согласна, чтобы приготовить булочку с якисобой самостоятельно, мне понадобилось бы обжарить лапшу с капустой, постоянно помешивая, потом раздобыть булочку и запихнуть в нее начинку, так что этот расход, пожалуй, оправдан. Но уж мате то я легко могла залить водой дома, была бы заварка, так что необходимость раскошелиться на пластиковую бутылку напитка несла с собой чувство поражения.

— Я возьму вот это. — Даже мой голос приобрел угрюмый оттенок.

— Всего двести девяносто иен, будьте добры! — отозвалась продавщица.

Для девяти вечера в четверг она была на удивление деловита и энергична. Когда бы я ни заглянула в магазин, там на посту всегда находилась одна и та же женщина — эта. Я уже сомневалась, что ей вообще случается уходить домой, так же, как и господину Сомэя.

На рабочее место я вернулась с бутылкой мате и прозрачным пластиковым контейнером, содержащим в себе булочку с якисобой, а на себе — единственную отметку, срок годности. Вся выпечка в этом магазине продавалась в простой пластиковой упаковке вроде этой, без каких-либо указаний, кто ее произвел, и вся была довольно неплоха на вкус. Интересно, существует ли компания, работа которой — снабжать выпечкой вот такие маленькие несетевые магазинчики.

Я решила посмотреть записи еще два часа, потом уйти домой. Дома первым делом закажу в Интернете листья мате, сказала я себе. Мне некогда ходить за ними самой. Впрочем, если вспомнить, сколько времени я обычно провожу в этом здании, неясно, смогу ли я получить заказ дома. Может быть, можно попросить доставить его сюда? Надо будет спросить у господина Сомэя.

— О, боюсь, я не могу вам это разрешить. У нас сейчас просто недостаточно сотрудников.

Качая головой, господин Сомэя двигал туда-сюда лежащую поверх отчета линейку. Этой линейкой он пользовался, читая ежедневные отчеты операторов наблюдения, — придерживал ее под иероглифами, чтобы ничего не пропустить. Я делала так же, когда во время учебы в университете подрабатывала корректором. Заметив, как внимательно он читает отчеты, я уже начала жалеть, что в моем написано так мало. Но ведь Ямаэ Ямамото почти с места не сходил. Что же мне о нем писать?

— Я приложу все старания, чтобы получить посылку сама. Никому больше не придется отвлекаться от работы.

— Все бы хорошо, если бы вами дело и ограничилось, но если я дам разрешение вам, тогда мне придется давать его всем и каждому, и в итоге вы превратитесь в почтальонку. Которой не платят за работу.

— Я не против. Здесь я самая новенькая, так что все по-честному. Можно считать, что это обряд посвящения.

— Это вы сейчас так говорите, а представляете, сколько вам придется заниматься сортировкой, если примутся заказывать доставку все наши сотрудники — более пятидесяти человек? Получится серьезная помеха для ваших постоянных обязанностей.

— Неужели здесь правда работают более пятидесяти человек?

Безусловно, в трехэтажном здании места хватило бы такому количеству сотрудников, но единственными, кого я здесь когда-либо видела, были господин Сомэя, госпожа Оидзуми и женщина из подвального магазина, потому в многочисленность местного персонала поверила не сразу.

— Угу. — Господин Сомэя кивнул, бросил взгляд на отчет, потом снова посмотрел на меня и негромко заклю-

чил: — Так что прошу меня простить, но офис и впредь останется зоной, где доставка под запретом.

Он откашлялся и снова занялся отчетом. Не сумев выдвинуть более убедительных возражений, я вышла из комнаты. В этом здании не было больших помещений с открытой планировкой, как в обычной компании. Наоборот, оно было поделено на множество комнатушек — вероятно, чтобы помочь сотрудникам сосредоточиться на своих задачах. Я слышала, что по мере продвижения по служебной лестнице нас переводят в комнаты размером побольше, но я работала только вторую неделю, еще находилась на испытательном сроке и потому сидела в одной комнате с госпожой Оидзуми.

По длинному пустому коридору, приуныв пуше прежнего под его слепящими лампами, я вернулась к себе в комнату. Нажала кнопку воспроизведения и увидела, как Ямаэ Ямамото, по-видимому, закончив работу, включил телевизор и начал смотреть записанную серию «Морской полиции». Женщина-спецагент была не из «Моссада», так что серия должна быть первой или второй. Я смотрела только те серии «Морской полиции», которые были уже после мossaдовки, поэтому некоторое время шурилась, вглядываясь в экран Ямаэ Ямамото, и пыталась понять, что там происходит, но без звука разобрать, что к чему, было практически невозможно. Те, кто устанавливал в квартире Ямаэ Ямамото систему наблюдения, подключили и микрофоны, но оказалось, что они неисправны.

Пока я сидела, мрачно размышляя о том, что не могу заказать себе чай с доставкой, и вдобавок не знаю, какой сезон «Морской полиции» смотрит мой объект — первый или второй, Ямаэ Ямамото поставил запись на паузу и сорвался к входной двери, оставив меня наедине с моей печалью. В отличие от эпизода с печеньем, на этот раз он принес доставленный ему бумажный пакет на свой письменный стол, вынул из него квадратную коробочку и принялся заинтересованно изучать. Сбоку на коро-

бочке виднелась крупная наклейка: «Мате». Я вдруг обнаружила, что непроизвольно оскалила зубы и нахмурилась, всем видом выражая предельную неприязнь. Из всех товаров мира он взял да и заказал единственный, который я хотела и не могла получить. Так и подмывало позвонить ему и завопить в трубку: «Отдай этот мате сейчас же!» Но откуда у меня возьмется его номер?

Ямаэ Ямамото вертел коробочку в руках, подробно вчитываясь в мелкий шрифт. Прямо передача из зоопарка: мартышка и мате! Как будто он вообще в первый раз видел его вживую. Прочитав все, что было написано на коробке со всех сторон, он поставил ее на видное место и стал любоваться с расстояния. «Слушай, от этого мате в коробке не прибавится, — попыталась вразумить его я. — И чашку чая так ты тоже не получишь».

Сопровождая натужными остротами каждое действие Ямаэ Ямамото, я вдруг вспомнила, что в этой коробке мате вполне может оказаться свежая партия контрабанды, увеличила изображение и впилась в него взглядом прищуренных глаз. Ямаэ Ямамото перенес коробку на письменный стол, подключился к вайфаю и открыл браузер. В поисковик, который выскакивал у него при загрузке, он вбил слова «чай мате». «Треклятой работой займись, парень». Но Ямаэ Ямамото проигнорировал меня, прокручивая список сайтов, имеющих отношение к мате, открывая один за другим, вытягивая шею, чтобы лучше разглядеть их, помечая закладками некоторые страницы. Я не сомневалась, что к целям моего наблюдения они не имеют отношения, но на всякий случай увеличила изображение и увидела статью о том, что уругвайцы выпивают ежемесячно более двух килограммов мате. Ого, невольно восхитилась я. Выхлестать столько мате за месяц — это жуть как много.

Ямаэ Ямамото продолжал изучать мате чуть ли не целый час. «Вот потому-то работа у тебя и продвигается так медленно», — наставительно сказала я ему про себя, но тут же осеклась, вспомнив собственные привычки.

Для меня обычным делом было, вернувшись домой с работы, убивать драгоценное свободное время, отпущенное мне, за бесконечным просмотром совершенно несущественных вещей в Интернете. Я придвинула к себе блок листочков и записала: «Запомни, каким глупым оказался тебе объект, когда впустую тратил время, и сама так не делай».

Я оторвала листочек и сунула в карман.

Собственно говоря, если учесть, чем зарабатывал Ямаэ Ямамото на хлеб, не стоило рубить сплеча, утверждая, что час, проведенный за сбором сведений о мате, был потрачен совершенно впустую. Не знаю, насколько крупным он был писателем, но всякий раз, когда я увеличивала изображение у него на экране, оказывалось, что он пишет что-то новое. Вчера писал о своем любимом ресторане, сегодня — о колониализме. Слова, которые он искал в словаре, тоже были самыми разнообразными — от «коллокативный» до «сверхдостаток». Единственное, что я могла с уверенностью утверждать насчет Ямаэ Ямамото, — он даже не подозревает об оказавшемся у него совершенно запрещенном товаре. Судя по тому, как медленно он продвигался в работе, меланхоличному выражению, с которым изучал свои платежи в банке, и явному отсутствию прогресса с именами в «списке лиц, с которыми надо связаться», у него, безусловно, имелись свои причины для беспокойства, но я никогда не видела, чтобы хоть что-нибудь в его поведении указывало на озабоченность тем, что где-то в его квартире спрятана вождельенная контрабанда.

Как я уже говорила, Ямаэ Ямамото ложился в постель в шесть утра и просыпался в два часа дня. То есть он бодрствовал шестнадцать часов в сутки. Поскольку на работу он не ездил, время его бодрствования было приблизительно равно времени, которое он проводил дома, за исключением двухчасового периода с шести до восьми вечера, когда он обычно отсутствовал. Видимо, в это время он ходил гулять или за продуктами. Просмотр